

Елена Хабарова

КРАСНЫЙ БРОНЕВИК

Аннотация

Миша и Леся, сотрудники научно-исследовательского института, отправляются на новогодний корпоратив, но сбиваются с пути. По дороге они обнаруживают странное строение, окаймленное колючей проволокой... С этого момента жизнь главных героев уже никогда не будет прежней. Кому из них все же удастся отыскать дорогу домой?

Фантастическую повесть «Красный броневик» Елены Хабаровой, несомненно, оценят поклонники красной фантастики, научной и социальной фантастики.

Хабарова Елена КРАСНЫЙ БРОНЕВИК

Глава первая. Унылый банкет

База отдыха Берендей напоминала самую настоящую зимнюю сказку. Морозная тишина звенела в сосновом бору, растворяясь под куполом пронзительно-яркого голубого небосвода. Снег искрился на солнце, слепил, хрустел под ногами. Пушистые белые шапки лежали на зеленых еловых лапах. Воздух пах праздником: мандаринами, шампанским и шоколадными конфетами. Близились долгие пьяные выходные.

Но банкет, организованный в главном зале Берендея, был посвящен отнюдь не Новому торжеству. Цвет отечественной науки сегодня чествовал здесь «широко известного в узких кругах» доктора физико-математических наук, профессора Михаила Анатольевича Белова.

Речь держал профессор кафедры наноматериалов и нанотехнологий Юрий Ильич Шеин. Он, как и всегда, говорил долго, длинно и муторно. Повторялся. Вставлял неуместные шутки и сам же над ними смеялся, нелепо потрясая лохматой седой шевелюрой. И только несокрушимый авторитет Юрия Ильича заставлял коллег по цеху терпеливо ждать, замерев со стаканами в руках. Кто-то зевал, кто-то косился на ароматное, запеченное с грибами и сыром мясо, а поток слов так и не прекращался.

— Мишаня! — очередной раз пробасил Шеин хмельным голосом. — Твое открытие не просто потрясет, оно перевернет научный мир! Это прорыв! Это шаг в будущее! Мишаня... Ты лучший из нас! Так давайте же выпьем за великого ученого, который доказал, что...

Михаил Белов поспешно поднялся, прерывая новый виток затянувшегося тоста:

— Давайте уже выпьем, товарищи! Ура! — и, под одобрительные возгласы опрокинул в рот стопку водки. Сморщился. Подцепил на вилку мелкий юркий корнишон с соседской тарелки и громко захрустел. Взгляд Белова медленно скользил по лицам собравшихся. Деятели науки остервенело накинулись на горячее, словно и не кормили их в пансионате по три раза на дню. Он знал их всех. Всех и каждого. Вот, напротив него, Шеин со своей командой. Дюжина любителей выпить и пожрать за чужой счет. Их можно даже никуда не звать: сами найдут и придут. У них так прямо чутье на любые пьянки-посиделки. Справа вальяжно потягивает дорогое французское вино профессор Зубров — его, Белова, непосредственный начальник. Вечно хмурый, заросший колючей щетиной Зубров уже сто миллионов лет возглавляет кафедру экспериментальной физики, а также научно-исследовательский центр, который прозвали кузницей открытий. «Зубра» окружает свита — плотное кольцо из сотрудников кафедры. В стороне глупо хихикают аспиранты — банкет только начался, а они уже пьяные в стельку. Мальчишки... А стул по левую руку пуст...

Михаил Анатольевич задумчиво покосился на этот стул и вздрогнул. Всем своим существом, каждой клеточкой, он ощущал незримое присутствие человека, который должен бы там сидеть. Ощущал настолько остро, что на глаза навернулись слезы, а на лбу выступила испарина. Он снова услышал залиvistый смех, перед ним блеснули яркие изумрудные глаза под непослушной медной челкой и из глубин памяти всплыли слова, произнесенные срывающимся шепотом. Те самые, последние слова, которые он будет помнить даже лежа на смертном одре: «Миша... я боюсь...».

Белов помрачнел. Налил водки, накрыл рюмку сверху кусочком черного хлеба и громко хлопнул по столу:

— Я предлагаю выпить, — прохрипел он, — но не за меня. Наслушался... Хватит. Спасибо, ребят... — Михаил Анатольевич тяжело вздохнул и продолжил:

— Я предлагаю выпить за незаменимого сотрудника кафедры экспериментальной физики, великолепного секретаря и просто хорошего человека — Олесю Сазонову, — Белов выдержал паузу, с одобрением отмечая, как понурили головы его коллеги. — Сегодня ровно десять лет, как она пропала без вести. Помянем Лису, друзья...

Тост единогласно поддержали. Пили не чокаясь. По рядам прокатился шепоток: каждый желал мира праху Сазоновой.

— А что... а как...ик...а как она умерла-то? — заплетающимся языком поинтересовался аспирант второго года обучения Пашка.

— Не умерла, а пропала, — тут же просветил Пашку его научный руководитель, довольно молодой и невероятно наглый доцент Пономаренко. — Пропала десять лет назад. Ты вот про бермудский треугольник слышал?

— Кто ж не слышал...ик... про бермудский-то... ик... трех... треугольник...

— Вот тут, недалеко от Берендея, по «Волгоградке» если ехать, такое же гиблое место есть. Кто туда попадет — всё. Крышка! Ищи потом, с фонарями! — Пономаренко завращал глазами, нагоняя на аспирантов страху. — Раньше недалеко отсюда наукоград был. Закрытый такой городишко, с утраченным названием. Поговаривают, опыты там какие-то в советские времена проводили, секретные. Ну... после перестройки городок, ясное дело, опустел, зато люди пропадать начали.

— Где? — к рассказчику склонились уже пятеро слушателей.

— Где-где! В Караганде! — фыркнул Пономаренко, и потянулся за сыром через весь стол. — Ясно где. Там где город этот стоял. И в радиусе ста километров примерно. Ты, Белов, что сам-то молчишь? Ты же тогда был с ней... с Сазоновой. Рассказал бы нам, как и что.

Михаил Анатольевич хмуро сдвинул брови. Ах, этот черт Пономаренко! Вечно лезет, куда не просят.

— Нечего рассказывать, — буркнул он сердито. — Пропала Лиса, и все тут. В аварию мы попали. Как очнулся — Леськи нету. Вот и весь сказ. Пойду я, подышу... Душно тут.

Белов резко поднялся, сгреб со стола пачку сигарет, зажигалку, мобильник и нетвердыми шагами двинулся к выходу. Уже у дверей он услышал заговорщическое шипение доцента Пономаренко:

— Не верьте ему! Не верьте! Знает Белов всё. Только никому правды не говорит. Он же эту Сазонову пять лет разыскивал. Даже детективов нанимал! Там такая история!

— Правда? Ох, расскажите! Расскажите, Алексей Васильевич! — молодняк столпился вокруг подвыпившего Пономаренко, а наглый доцент раздувался от гордости, как пингвин.

«Вот маразота!» — подумал Белов, покачал головой и шагнул из духоты на свежий морозный воздух. Закурил.

Как хорошо! Благодать! Вон уж и зарево над лесом разгорелось — завтра, видать, ещё холоднее будет. Холодно и ясно. А тогда было пасмурно. Слякотно. Скользко. Ураганный ветер сбивал с ног. С неба сыпалась какая-то невнятная мерзость — и не снег, и не дождь...

Глава вторая. Мишка и Лиса

Ураганный ветер отчаянно выл за окнами. С неба сыпалась какая-то невнятная мерзость — и не снег, и не дождь. Бум-бу-рум, бу-ру-рум — стучали по стеклам ледяные горошины.

— Сазонова! Ты охамела до крайности! — рычал кандидат физ-мат наук, Миша Белов, бычкуя очередную сигарету в переполненной пепельнице. Полтора часа назад Олеся сказала ему, что будет готова через «минут пять-шесть, не дольше».

— Ещё минуточку! — донеслось из спальни.

— Какую, нах, минуточку? — заскрежетал зубами молодой доцент. — Нам ехать до Берендея часа два, как минимум! А стемнеет, так вообще атас будет. Ты в окно давно смотрела?

Сазонова выпорхнула в коридор, встала перед зеркалом и принялась крутиться так и эдак. Миша скользнул взглядом по точеной фигурке сотрудницы и скептически фыркнул:

— Не коротковата юбчонка-то?

— Много ты понимаешь! — рыжая секретарша показала ему язык.

— А что фиолетовое платье не надела? Ну то, помнишь? Мое любимое?

— Ты что, совсем сдурел? Я в нем на прошлой «ёлке» была.

— А-а-а, — протянул Миша, — ну тогда да. Веская причина. Подарки в машине?

— В багажнике. И подарки, и костюмы. Я всё как из профкома забрала, так и валяется.

Олеся буквально впрыгнула в удобные теплые угги, потянулась за курточкой. Миша галантно подал подруге явно не приспособленный к русским зимам, изящный пуховичок и спросил:

— А посох есть?

— Нет, посоха нет. И коса у парика вся обтрепалась — не буду одевать.

— Рыжих снегурочек не бывает. И у Деда Мороза должен быть посох. Непременно! Это я тебе как физик говорю, да ты разве слушаешь... Эх, балда ты, Сазонова! Ключи от машины взяла?

— Да.

— Телефон?

— Все взяла, не колготись, Белов! Поехали, поехали! ещё может, успеем до сумерек!

Девушка рванулась на лестничную клетку, на ходу натягивая капюшон. Миша проводил Сазонову долгим взглядом. Зубр часто говорил, что Леська рождена, чтобы быть секретарем. Она не имела регалий, степеней и званий. Она была просто Леся. Леся-секретарь. Активная, энергичная, не в меру разговорчивая и любопытная, взбалмошная Лиса умудрялась каким-то волшебным образом знать наперед обо всем, что происходило в Научно-исследовательском институте имени Льва Давидовича Ландау. Ей улыбались вахтеры

и уборщицы, доценты и профессора. Она частенько подвозила до дома самого директора. Даже дворняги, что вечно слонялись на парковке, приветственно виляли хвостами, только завидев это рыжее чудо.

Миша ещё ходил в аспирантах, когда Олеся появилась на кафедре. Их рабочие отношения сначала не заладились — уж больно суетливой и гиперответственной оказалась новая секретарша. Но со временем, спустя тысячу авралов, миллион отчетов и пару сотен аккредитаций, эта неприязнь переросла в крепкую, словно титановый сплав, дружбу и трудовой дуэт «Белов-Сазонова» бил все мыслимые рекорды «производственной эффективности».

А теперь они торопились в Берендей. Элитная база отдыха принадлежала ректору, и сегодня им с Сазоновой предстояло изображать из себя Деда Мороза и Снегурочку перед всем университетом.

Глава третья. Странное строение

Вжух-вжух, вжух-вжух, вжух-вжух, — размеренно «тикали» дворники. Мокрый снег таял и ручейками катился по лобовому стеклу. Серебристый Daewoo Matiz сиротливо жался к обочине. Свет фар вырвал из темноты и вьюги клочок грязного, изрытого протекторами бездорожья. Они заблудились. Заплутали отчаянно и безнадежно. Исколесили окрестности вдоль и поперек, но снова и снова упирались в тупик.

Олеся уставилась бессмысленным взглядом в одну лишь ей видимую точку в непроглядной липкой мгле. Миша погладил товарку по руке:

— Лесёк... Давай я сяду за руль?

— А что это изменит? — устало вздохнула Сазонова. — Сколько времени?

— Десять минут одиннадцатого, — послушно ответил Белов без издевки, хотя Лиса спрашивала его об этом уже в тысячный раз.

— Опаздываем... Ты же говорил, что знаешь дорогу!

— А ты говорила, что у тебя в телефоне есть навигатор! — огрызнулся Миша и тут же пожалел о резкости: на глаза Олеси навернулись слезы. Секретарша шмыгнула носом. Пухлые губы задрожали. — Лисеночек! Давай не будем, а? — взмолился Белов. Вот только женской истерики ему сейчас для полного счастья не хватало! — Что со связью?

— Н-нет сети, — всхлипывая, ответила Сазонова. — И радио не ловится...

— Не паникуй, мать, — Миша натянул шапку и приоткрыл дверцу матизки. Сморщился, когда холодный колкий ветер хлестнул по щеке.

— Сиди здесь. Я похожу-поброжу. Посмотрю, что там, за тем поворотом, куда не подъехать, и вернусь, хорошо? Не вешай нос, прорвемся!

Олеся неуверенно кивнула, «ограбила» его на пару сигарет и пообещала быть «хорошей девочкой».

Небесная канцелярия проделывала с предновогодней погодой невероятные фокусы. На землю рваными белесыми клочками опустился густой туман. Колкая морось сменилась проливным дождем. Снег под ногами окончательно раскис, превратившись в грязную жижу. Миша по щиколотку провалился в эту гадкую мокрядь и выругался настолько феерично, что удивил сам себя. Он фыркнул, плюнул и тяжелыми шагами двинулся обратно к крохотной леськиной машине. Прошло не меньше получаса, как он отправился на поиски «цивилизации». Дорогу отыскать так и не удалось, зато обнаружилось нечто весьма любопытное.

— Не спать! Война идет! — взревел Миша, хлопнув дверцей так, что Олеся даже подпрыгнула.

— Белов! Сволочь! — Секретарша недоуменно заморгала спросонок и тут же наградила товарища тумаком. — Напугал!

— А нечего спать на работе! Собирайся. Пошли.

— П-пошли? Куда пошли? Туда? Ты нашел объезд? Обход...?

— Нет... — Миша снял с головы выдавшую виды вязаную шапчонку, как следует встряхнул и натянул на голову подруге. — На вот. Пригодится. — Он тяжело вздохнул и пустился в объяснения. — Нет там дороги, Леська. А если и была — размыло ее. Зато есть строение...

— Строение?

— Ну да. Странное такое строение... Непонятно — то ли база какая, то ли завод, то ли ещё что. Забор во-о-от такой здоровенный и длиннющий — ни начала, ни конца. И огромная такая махина бетонная за ним. Но огоньки горят — я видел.

— И что нам с этого строения? — фыркнула было Олеся, скептически изогнув бровь, но тут же сама себе ответила, загибая пальчики с короткими квадратными ноготками:

— Тепло — обсохнем. Люди — спросим дорогу. Телефон — сообщим Зубру, что потерялись. Туалет

наверняка там есть... Ладно, Белов. Строеие так строеие. Пошли!

Не успел Миша глазом моргнуть, как Сазонова выскочила из машины под пробирающий до костей зимний ливень...

Забор без конца и края был куда выше, чем Мише показалось в первый раз. Унылая, окаймленная колючей проволокой серая стена уходила в бесконечность и растворялась в тумане. Тусклый свет редких фонарей проигрывал в схватке с непогодой, и темнота поглощала пространство метр за метром.

Миша и Олеся плелись вдоль железобетонной цитадели рука об руку, со скоростью пьяной улитки, то и дело спотыкаясь и поскользываясь. Когда Олеся очередной раз чуть не ухнула в грязный снег, Белов торжественно вскричал:

— Шлагбаум!

— Ч-чего? — громко выдохнула запыхавшаяся, промокшая до нитки Сазонова.

— Да вот же! Шлагбаум! Въезд! — Миша отпустил руку подруги и проворно закосолапил вперед. Счастью его не было предела: рядом с полосатым ограждением обнаружилось нечто вроде сторожки. Над входом красовалась надпись: «КПП. Посторонним вход запрещен». На кургузом оконце — толстые решетки. Это минус. Но за запотевшими стеклами приветливо желтеет лампочка Ильича. Это, бесспорно — плюс.

— Смотри, Лисёныш! Только нас и ждали, — оптимистично заявил Белов и шмыгнул покрасневшим носом. — Ты уж давай там, мать, вахтера обаяй, чтобы погреться пустил. Чайком-кофейком угостил.

Леся только фыркнула в ответ:

— Спорим на «Дербент» — закрыто.

Миша пожал плечами и рванул дверь на себя. Клин уютного теплого света вспорол мрак.

— Открыто. С тебя коньяк, мать.

Глава четвертая. КПП, пароль и безысходность

Контрольно-пропускной пункт оказался крошечной камерой, уступавшей по комфортабельности даже монашеской келье. Стол. Стул. На столе два допотопных телефона: красный и желтый. Рядом переполненная пепельница. На стене гигантская репродукция: Владимир Ильич Ульянов-Ленин, стоя перед народом на броневике, вещал о светлом коммунистическом будущем. За спиной вождя полоскалось на осеннем ветру красное революционное знамя. Воздетой дланью «дедушка Ленин» указывал на массивную железную дверь в противоположной стене. Эта дверь как раз оказалась заперта. И как ни старался Миша (а он и стучал, и кричал, дергал ручку, пинал упрямую железяку ботинком), попасть внутрь им так и не удалось.

— Да чтоб тебя черти взяли! — рявкнул он в который раз и врезал по двери кулаком. — Сколько мы уже тут торчим? И что ты, черт побери, делаешь?

Олеся восседала на единственном стуле и курила.

— Мы торчим тут где-то час, — зевая, протянула она. — Скоро полночь. А я, черт побери, жду.

— И чего ты, черт побери, ждешь?

— Трамвая! Ох... Не паникуй, Белов, а лучше подумай.

Миша промычал нечто матерное и уселся на стол. Сазонова продолжила:

— Это же элементарно, Ватсон! Взгляни на пепельницу — она полна. А когда мы пришли, тут крепко пахло табаком. Тут наверняка сторож ночует. Просто отошел человек ненадолго. Скоро вернется — как пить дать. Просто надо подождать. К тому же — больше ничего не остается...

«И действительно — других вариантов нет», — удрученно подумал Миша. Первым делом, как только пришли, они, естественно, кинулись к телефонным аппаратам, но вскоре обнаружили тщетность этой затеи: короткие гудки были ответом на любой запрос. Миша вскоре понял — все, что им с Олеськой нужно: люди, работающие телефоны, туалет, — всё это там. За запертой железной дверью. Откуда к нему пришло это знание, Белов не ведал, но был уверен, что дело обстоит именно так. Но упрямая дверь не желала открываться, и им оставалось только ждать... Чего ждать? Миша тяжело вздохнул и сгорбился. В камере было тепло, даже душно, но после ураганного ветра и хлесткого дождя это место казалось райским уголком. Не удивительно, что Леська больше никуда не торопится. Откисает. Белов скользнул по ней взглядом. Красивая. Хотя и мокрая, как рыжая дворовая кошка. Она нравилась ему. Она нравилась всем. Задорная и бойкая. Стройная и ладная медноволосая лисичка. За семь лет совместной трудовой деятельности Миша так и не решился перейти границы френдзоны. А хотел. Очень хотел...

Трель телефонного звонка разорвала удручающую сонливую тишину сторожки так внезапно, что друзья вскочили со своих мест как ошпаренные. Секунду они тупо пялились на дребезжащий аппарат, пока Сазонова не схватила трубку с решительностью опытной секретарши.

— Слушаю вас!

В трубке раздались хрипы, бульканье и треск, через которые с трудом прорвался резкий и неприятный, типично диспетчерский женский голос: «Временный пароль пятнадцать четыре сто восемь...».

— Алло! Помогите! Мы тут на КПП застряли! — надрывно вскричала Олеся, но было поздно: в трубке раздались равнодушные гудки.

— И ч-что это было? — Миша заметил, что голос его дрожит.

— П-пароль, — прошептала в ответ побледневшая Олеся и повторила цифры вслух:

— Пятнадцать... четыре... с-сто восемь, кажется...

Не успела Сазонова договорить, как раздался оглушительный скрежет, словно кто-то разом взялся отпирать сотню заржавевших затворов. Над массивной железной дверью, которая по предположениям Миши была путем к спасению, замигала красная лампа. Каждая вспышка сопровождалась мерзким, режущим слух звуком. Под лампой вспыхнула табличка с зеленой надписью: «Активация». Дверь ухнула и приоткрылась. Не теряя ни секунды, Миша схватил сопротивляющуюся Леську за запястье и поволок внутрь...

Темный длинный коридор казался бесконечным. Пахло сыростью, подвалом, веяло могильным холодом. Каждый шаг отзывался гулким эхом. Миша уверенно шел вперед и чуть ли не силой тащил за собой Сазонову, которой его идея казалась безумной.

— Какого черта, Белов? — она вырвала руку и встала как вкопанная, то и дело тревожно оглядываясь назад, на приоткрытую дверь. — Что ты творишь? Надо было сидеть и ждать!

— Не кипятись, Сазоныш, — Миша снова взял ее ладонь и ласково погладил. — Все будет отлично, вот уви...

Снова скрежет. Мерзкий писк сигнала. И уже с внутренней стороны маячит яркая лампа, только надпись на табло не зеленая, а красная: «Деактивация»...

Миша слишком поздно сообразил, что к чему. Со всем проворством, на которое был способен, он бросился обратно. Но не успел. Тяжелая дверь захлопнулась прямо перед носом, оставив их в крошечной тьме.

Сазонова пилила его так, словно они были женаты сотню лет. Миша терпел. Молчал. Да что тут скажешь? Он и «упертый осёл» и «хренов исследователь» и ещё невесть кто. Зато когда Сазонова как следует «прокипела», она тут же предложила логичный и рациональный план действий. Правда, точь-в-точь такой же, какой расписал ей во всех подробностях сам Миша несколько минут назад. Первым пунктом плана значилось — найти выход хоть куда-нибудь. И они пошли во мраке, считая каждый шаг.

На пятидесятом коридор свернул направо. На сотом толстые стены начали сужаться. Ещё спустя полсотни шагов Олеся подвернула ногу, и остальной путь попеременно ныла и материлась. Мобильные телефоны отказывались работать. Зажигалки освещали лишь крошечную долю пространства. Вокруг было темно и тихо, как в склепе. С каждым новым шагом таяла надежда на благополучное возвращение домой, и Миша ругал себя за то, что не додумался дождаться рассвета в машине.

Друзья блуждали никак не меньше часа и в тот самый момент, когда отчаяние сдавило грудь так, что стало трудно дышать, коридор неожиданно кончился. Они просто уперлись в тупик. Олеся, тихонько всхлипнув, опустилась на пол, прислонилась к стене и обхватила колени руками. Миша так просто сдаваться не собирался. Он принялся шарить по стене руками и торжественно гыкнул, обнаружив задвижку. С огромным трудом, фыркая, обливаясь потом и напрягая те мускулы, которые ещё не заплыли жиром, Миша все-таки сумел свернуть чугунный затвор.

— Выход? — с такой обезоруживающей надеждой спросила Олеся, что Мише стало жаль ее разочаровывать, но тем не менее...

— Вход, — устало буркнул он. За дверью оказался предбанник, габаритами похожий на туалет в малометражных квартирах, да ещё одна дверь. Но на этот раз, увы, никаких задвижек нащупать не удалось.

— Пришли... — Белов обреченно мотнул головой и почесал в затылке. Теперь он совершенно точно не знал, как им быть.

— погоди, — Олеся просочилась внутрь предбанника и отпихнула Мишу самой очаровательной частью своего тела. — Посвети.

Белов нащупал в кармане зажигалку. Как же славно, что они оба курят! Трепетный скудный огонек затанцевал, выхватив из темноты осунувшееся лицо Олеси с темными кругами размазанной туши под блестящими зелеными глазами.

— Правее, — скомандовала она. Миша послушался и охнул. Рядом на стене, на уровне глаз, поблескивал пластик сенсорной панели.

— Что там? — Миша нетерпеливо подался вперед, отчего чуть не спалил Леське волосы.

— Циферки, — Сазонова ловко увернулась от зажигалки. — погоди, не мешай. Пятнадцать. Четыре.

Глава пятая. ВСМПВНБ Красный Броневик

Если бы в темном предбаннике внезапно появился жираф, Миша удивился бы не в пример меньше. Странный пароль, полученный ими на КПП, сработал и в этот раз. Правда дверь не распахнулась, а бесшумно въехала в нишу в стене и встала на место сразу же, как только они вошли.

Яркий свет на мгновение ослепил, но как только зрение восстановилось, друзья замерли на месте, сраженные открывшимся видом.

Огромные люстры освещали исполинский холл, высотой в несколько этажей. Многочисленные галереи, переходы и лестничные марши делали его похожим на замысловатый лабиринт, а красные ковровые дорожки и резные дубовые балясины придавали ещё больше монументальности. Под самым потолком красовались гигантские буквы «Слава КПСС». Чуть ниже — уже знакомая Мише картина — Ленин на броневике. Правда репродукция на КПП во много раз уступала по габаритам этому чудовищному порождению соцреализма. Под здоровенным, в три человеческих роста, «Ильичем» от стены до стены растянулся лозунг: «Вперед в коммунистическое будущее на Красном Броневике!». И только на уровне первого этажа скромная, но лишь по сравнению со всем остальным, вывеска гласила: «ВСМПВБ Красный Броневик. Вход по пропускам».

Миша первым вышел из ступора. Почесал в затылке. Перегнулся через перила (темный коридор вывел их на одну из множества галерей, опоясывавших холл), посмотрел вниз, влево, вправо, под ноги. Снова почесался и вопросительно глянул на Сазонову:

— Лесь, а что такое ВСМПВБ?

Олеся посмотрела на него, как на идиота, и фыркнула.

— А пропуска у нас есть?

Секретарша фыркнула снова и угрюмым взглядом скользнула по бесчисленным вереницам дверей.

— Пошли, — скомандовала она. — Надо отыскать выход, пока я тут не состарилась. И туалет, пока я тут не...

— Ладно, пошли, — Миша решительно двинулся вперед, на ходу размышляя, в какую такую совдепию их занесло.

Глава шестая. «Призрак коммунизма»

Двери, двери, двери и несть им числа. Массивные и хлипкие, с табличками и без, из металла, дерева и пластика, с замысловатыми ручками или совсем гладкие — каких только нет! Миша и Олеся стучали в каждую, дергали ручки, в надежде найти выход или хоть кого-нибудь, кто этот выход поможет найти. На некоторых дверях им встречались непонятные аббревиатуры. Например, ход, из которого они проникли на «Красный броневик» обозначался: «Зона Альфа. Иск. № 37». Что это могло значить, оставалось только догадываться.

Друзьям хватило сил лишь на половину этажа. Потерпев очередную неудачу, Миша крепко выругался, а Олеся уселась прямо на пол, прислонилась к стене и, облегченно вздохнув, вытянула ноги. Неестественная, густая тишина окутала их. Толстые стены поглощали звуки. Клонило в сон.

— Бесполезно, — прервал Миша затянувшееся молчание. — Тут никого нет...

Он устало опустился рядом с подругой и обнял ее за плечи, мысленно благодаря Леську за то, что она не пилит и не обвиняет его во всех их злоключениях. Но стоило ему на мгновение смежить веки, как тишину нарушил звук шагов. Еле слышный, но вполне отчетливый. Топ-топ-топ-топ. Кто-то быстро и суетливо шел по одному из коридоров.

Миша вскочил, приложил ладонь ко рту ковшом и громко крикнул:

— Эй! Кто там? Отзовитесь!

Ответа не последовало, но шаги на мгновение замерли, а потом... ускорились, словно человек перешел на бег. Единственный, но весьма существенный минус был в том, что звук удалялся, и Мише не составило труда понять — человек бежит не к ним, а от них. «Да что за дела!», — разъярился Белов и, схватив Олесю за руку, кинулся туда, где только что слышал шаги.

Поворот, коридор, лестничный марш. Тут и там мелькают красные флаги, бюсты Ленина и Сталина, разлапистые фикусы и пальмы в здоровых кадках, давно забытые советские лозунги и нелепые плакаты с идиотскими надписями, типа: «Товарищ! Зашел в лабораторию — вымой руки!» или «Не болтай! Враг рядом!».

Миша мчался, как безумный, Олеся на силу попевала за ним. Они бежали на звук. Звук бежал от них.

даже дотронуться, как дверь чуть приоткрылась сама собой, словно от сквозняка. Миша заглянул внутрь и... остолбенел. Двое мужчин в белых халатах, стерильных шапочках и масках, вооружившись скальпелем и неизвестной Мише жужжащей машинкой, похожей на миниатюрную бензопилу, потрошили живого ещё человека, распятого на крестообразном вертикальном держателе. Несчастный дрыгался, бился в конвульсиях и мычал — рот его был предусмотрительно заклеен скотчем. Нестерпимо воняло формальдегидом. Кошмарные «врачи», по локоть в крови, поочередно ковырялись во внутренностях своей жертвы и мило болтали: один рассказывал другому о пользе голодания.

Миша почувствовал в горле ком и прижал руку ко рту, сдерживая рвотный позыв. «Бежать!», — кричала каждая клетка его тела, каждая извилина мозга, но он словно врос в землю. Страх сковал ледяными цепями, мешая сделать даже один единственный шаг...

— А вот ещё случай был, — разглагольствовал между тем один из «врачей», меня окровавленный скальпель на длинные щипцы с изогнутыми краями, — Логвин из отдела аномалий отказался даже от жидкой пищи. Вы представляете, Айртюн Гургенович? Так вот, он даже... Эй! — парализованный страхом Миша не сразу сообразил, что «Эй» относится к нему. Зато это понял подопытный. Он полоумными глазами вперился в замершего на пороге Белова, задергался пуще прежнего и взвыл дурниной. Миша вцепился в косяк — ноги подогнулись, перед глазами поплыли круги, когда сторонник лечебного голодания с блестящими щипцами в руках двинулся к нему.

— Вы что тут делаете? Вас не должно здесь быть!

Прежде чем Белов успел что-либо сообразить, врач вытолкнул его в коридор и захлопнул дверь. Щелкнул замок и неспешная беседа, сопровождающаяся душераздирающими стонами, возобновилась...

Ничего не соображая, Миша неуклюже попятился назад и вскрикнул, наткнувшись на преграду. Ей оказалась очередная кадка с огромным фикусом. Туда-то и отправилось скудное содержимое Мишиного желудка...

Глава восьмая. Джеймс Анатольевич Бонд

Миша шел по коридору. Его трясло. Шатало. Ватные ноги с трудом несли тяжелое тело. Длинные лампы танцевали перед глазами. Свет прыгал, дрожал, дребезжал. Потолок кружился. Все это, вкупе с мерзким привкусом рвоты во рту, вызывало новые и достаточно сильные приступы тошноты. Сознание отказывалось понимать происходящее. Одна мысль особенно терзала: почему врачи-мясники пощадили его? Не схватили, не убили, а отпустили? Может быть, он ошибся, и в кошмарном, на первый (да и на второй) взгляд, зрелище не было ничего предосудительного? Так или иначе, одно Белов знал наверняка: надо забирать Лису и драть отсюда когти, пока не поздно. Лучше всего возвратиться в тот огромный холл и попробовать спуститься на самый нижний уровень.

Собравшись с силами, он ускорил шаг и устремился к женскому туалету. Несмотря на закаменелые предрассудки, Миша нажал на ручку, влетел внутрь и яростно зашептал: — Сазонова! Кончай прихорашиваться, уходим немедленно!

Но Сазоновой в туалете не оказалось. Как собственно, и самого туалета: ни кафельных стен, ни зеркал, ни ручек, ни кабинок. Вместо этого — длинные столы, заставленные какой-то техникой. Миша чертыхнулся — он банально ошибся дверью. В этом проклятом месте немудрено заблудиться! Белов наострил уже выскочить обратно в коридор, опасаясь встречи с новыми «добрыми докторами», но машинально скользнул взглядом по оборудованию, нагроможденному на лабораторных столах, и застыл...

— Японский леший! Да это же Instron три тысячи шестьсот девяносто девять! — Миша не удержался, подошел к испытательной машине, точь-в-точь такой же, как у них с Леськой на кафедре, и принялся рассматривать. — С ума сойти! Ну нифига себе!

Изумлению Миши не было предела. Помимо INSTRON в комнате он обнаружил огромное количество самого нового сверхсовременного лабораторного оборудования: металлографические и электронно-ионные микроскопы, лазерные комплексы, микротвердомеры последнего поколения, высокотемпературные печи, не знакомые Мише генераторы и молекулярные преобразователи частиц, бесконтактные профилометры, спектрометры и многое, многое другое.

Миша ахал, охал, цокал языком и качал головой. Как же? Откуда? Откуда же на этой совковой базе такое богатство?

Ответ не заставил себя ждать. Рассматривая очередной новомодный микроскоп, Миша разглядел на его гладком хромированном боку надпись: «Сделано в СССР».

Белов так и сел. Благо, высоких лабораторных табуретов здесь было в избытке.

— Нет ну это ересь какая-то, — пробубнил он, скребя в затылке. Да неужели это чудо техники собрали ещё до тысяча девятьсот девяносто первого года? Или когда там Союз развалился? Да ну... Бред, да и только!

С этой мыслью Мишка вскочил на ноги и принялся тщательно осматривать остальные прикамбасы. Нет.

Все верно — везде, рядом с аккуратно наклеенными инвентарными номерами, точно такие же гравировки: «Сделано в СССР».

— Бред... — повторил Миша свою мысль вслух и двинулся к единственному столу, не занятому аппаратурой.

А стол этот словно только и ждал его. Рядом с кипой исписанных синими чернилами бумаг лежала одинокая пачка сигарет. Миша взял ее в руки. Покрутил. «Наша марка»... Что за «Наша марка»? Да пусть хоть что! Пачка почти полная, а ему так мучительно сильно хочется курить! Но что это? Взгляд сам собой зацепился за чертежи и схемы, нарисованные от руки на пожелтевших листах. Было в них что-то до зубовного скрежета знакомое. Родное. И в то же время непостижимое. Белов взял в руки лист, потом другой, третий...

— Матерь Божия... — одними губами прошептал он. То, над чем трудились физики разных поколений было здесь... То, что вызывало самые острые споры в современном научном мире, было доказано здесь, на этих заляпанных чернилами листах! Подробное описание экспериментов и порядок их проведения, формулы, расчеты, итоги, возможные ошибки и результаты — бери да делай! Становись новым Эйнштейном, Курчатовым, Кюри, Ван-Дер-Ваальсом! Прямо-таки нобелевская премия на блюдечке с голубой каемочкой...

Миша заскрежетал зубами и огляделся. Леська там одна... И «добрые доктора» совсем рядом... Но... Но...

Без малейших колебаний Белов выхватил смартфон из внутреннего кармана пиджака. Зарядка ещё держит. Связи по-прежнему нет, зато работает все остальное. До чего полезный телефон!

Белов принялся тщательно фотографировать каждый лист, каждую схему, каждый кособокий рисунок и чертеж. Миша чувствовал себя тайным агентом. Эдаким Джеймсом Бондом, который, рискуя жизнью, похищает сверхсекретную информацию.

Ему понадобилось не меньше получаса, чтобы сделать снимки. Скоммуниздить подлинники Миша так и не рискнул, хотя мысль такая была. Подозрительный шорох за дверью заставил его порывисто выпрямиться. Что-то щелкнуло. Миша замер с телефоном в руке. Снаружи кто-то осторожно нажал на ручку двери, и та бесшумно приоткрылась...

Глава девятая. Новый поворот

За короткие секунды вся жизнь промелькнула перед глазами: крохотная комнатуха в коммуналке, ласковая мамина улыбка, первый велик, школа, первый поцелуй и первая драка, университет и первая сильная влюбленность — в науку, аспирантура, защита, Олеся...

Миша дрожал. На лбу выступила испарина. К горлу подкатил ком. Белов уже чувствовал, как сильные пальцы тисками сжимаются на запястьях, и «добрые доктора» в забрызганных кровью халатах, волокут его, вопящего и брыкающегося, по мрачному коридору. Он ощущал прикосновение холодной стали к своей плоти, видел хищный блеск в глазах врачей-мясников, слышал их перешептывания... Дверь открылась ещё на дюйм... На пороге возникла Сазонова...

Полтора часа в туалете рыжая секретарша провела с явной пользой: смыла раскисшую косметику, расчесала сбившиеся в колтун волосы и собрала высокий хвост.

— Ты где бродишь? — сердито зашипела она и зацепилась взглядом за телефон, зажатый в Мишиной руке. — Ты что тут делал?

Миша стушевался и почувствовал, что краснеет. Минуту назад он был тайным агентом, а теперь ощущал себя двоечником, которого учитель поймал со шпаргалкой в руке. Что за бред! Надо сказать ей. Сказать правду! И он скажет. Просто не сейчас. Позже.

— Я... — протянул он, сконфуженно переминаясь с ноги на ногу. — Я...

— Ты звонил Зубру? — болтушка Олеся сама подсказала ответ.

— Да.

— Ну? — Лиса уперла руки в бока и нетерпеливо уставилась на него.

— Связи нету, — буркнул Миша и двинулся к выходу. — Пошли отсюда.

— То есть как — пошли? А как же...

— Пошли я говорю! — сказал Белов неожиданно резко. Так или иначе, рассказывать Леське о странных живодерских опытах, невольным свидетелем которых он стал, Мише не хотелось. Они на кафедре и так слишком часто забывали, что она все-таки — женщина, которую надо беречь...

— Ты уверен, что мы пришли отсюда? — тараторила Сазонова. — Точно? Сто процентов? Может,

повернули не туда?

Миша флегматично почесался. Повернули-то они туда. И пришли туда. Только вот... не помнил он этой развилки в самом начале мрачного коридора. Не помнил, хоть ты тресни! И Леська тоже не помнила. И от этого становилось не просто страшно, а жутко.

Белов нервно сглотнул и взялся за ручку дубовой двери, той самой, которая привела их сюда. ещё немного и они вернутся в ярко-освещенный холл. Вернутся и непременно найдут выход. Дверь поддавалась, отворилась и... Ба-бац!

— Ай! Ах, ты ж... твою ж мать! — вскрикнул Миша, запоздало отскакивая в сторону.

Сверху на него, с лязгом и грохотом, рухнуло блестящее жестяное ведро вместе со шваброй-ленивицей. От жестянки Миша ещё успел увернуться, а вот древко швабры преобильно заехало по лбу.

— Что за блядство? — риторически поинтересовался Белов, потирая уже не затылок, а ушибленный лоб.

За дверью, вместо украшенного флагами и плакатами коридора, оказалась тесная и темная кладовка, «под завязку» забитая бесполезным барахлом. Чего там только не было! Пустые картонные коробки громоздились рядом с пятилитровыми баклажками, засохшие грязные тряпки торчали из замызганных ведер и ярких пластмассовых тазиков, лохматые веники угрожающе топорщились, гирлянды кучерявых металлических губок празднично переливались, намекая на близость самого долгожданного праздника...

Сазонова прыснула со смеху. Смех этот казался неуместным и неестественным в окружающей их гулкой пустоте. Мишу передернуло.

— Говорю же, — утирая выступившие слезы, проверещала Лиса, — свернули не туда. И развилка эта была, просто мы её не заметили и всё тут!

— И всё тут... — эхом повторил Белов. — И всё тут... И что ты предлагаешь?

— Ну... выбор-то у нас не велик, — Олеся отступила назад на пару шагов и оказалась как раз на появившейся из ниоткуда развилке. — Либо туда, — указала она в темноту загадочного коридора, — либо обратно, к туалету.

К туалету... Нет, к туалету Мише возвращаться совсем не хотелось. В ушах до сих пор раздавались леденящие душу стоны и завывания несчастного подопытного вперемешку с жужжанием адской разделочной машины.

Миша вздохнул и угрюмо кивнул в сторону незнакомого поворота...

Глава десятая. Минотавр Лукич

Эхо играло со звуком. Каждый осторожный шаг превращался в топот сотни ног, каждое слово — в многоголосый хор. Высокие потолки уходили в темную бесконечность. Редкие, аскетического вида, светильники сиротливо мерцали на серых стенах. И — ни одной двери! Жутко. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что зря они не вернулись к туалету. Миша мотнул головой, пытаясь оправдать себя — при любом раскладе они всегда могут повернуть назад.

— Опять направо, — устало констатировала Сазонова. Поначалу она бодрилась и даже шутила, вспоминая, как они в позапрошлом году ухитрились заблудиться в МГУ, но теперь заметно приуныла.

Коридор петлял, навевая мысли о сказочных лабиринтах, из которых нет выхода.

— Теперь налево... — глухо пробубнил Миша. — У тебя случайно нет мотка ниток?

— Конечно есть! Всегда ношу с собой! — раздраженно фыркнула поникшая Леська. — А мое второе имя — Ариадна!

Миша грустно усмехнулся:

— Надеюсь, минотавры нам тут не встретятся. Все-таки редкий зверь... Хотя кто знает?

— А наши теперь уже и горячее съели... Интересно, что там сегодня подавали на горячее? Валя говорил, рыбу хотели... Как ты думаешь, нас будут искать?

Белов тут же остановился. Положил руки на тонкие Леськины плечи, заглянул в блестящие зеленые глаза и самым серьезным тоном, на который только был способен, сказал:

— Непременно.

— Ты уверен?

— Да, — Миша понял, что необходимо срочно сменить тему. — Кстати, давно хотел тебя спросить...

— Мм?

— А что у тебя с Пономаренко?

— С Пономаренко? А что с ним?

— Ну... — Миша замялся. Он не любил сплетни. — Говорят, ты ходила с ним на свидание в четверг.

— С этим прыщавым самодовольным сосунком? — возмутилась Олеся. — Ты что, Белов, совсем с дуба рухнул? Он меня бесит донельзя! Кроме спеси — так, один пшик.

Миша улыбнулся и дружески приобнял Сазонову. Как чудесно, что их донельзя бесят одни и те же люди, что им нравятся одни и те же фильмы, что пьют они исключительно «Дербент», а выпив — хором поют «Наутилуса»... Почему, ну почему они до сих пор просто друзья? «Наверное, потому, что я — идиот», — грустно подумал Миша, очередной раз свернул направо, и тут же врос в землю...

— Ты чего? — недоуменно уставилась на него Лиса.

— Дверь.

— Какая дверь? Нет никаких дверей, — Сазонова так отчаянно закрутила головой, что рыжий хвост хлестнул по побледневшим Мишиным щекам.

— Там, — Миша поднял руку. — Наверху. Дверь...

Каким-то непонятным, нелогичным образом дверь оказалась именно наверху. Никак не ниже трех метров от пола. Никаких лестниц — ни пожарных, ни приставных, ни веревочных — вокруг не наблюдалось. В другой раз Миша посмеялся бы, сфотографировал это чудо и выложил в сеть с надписью, типа: «Эту страну не победить», но теперь было не до смеха...

Раздался тихий щелчок, и ручка двери медленно повернулась...

Миша сгреб Лису в охапку и, предусмотрительно зажав ей рот ладонью, оттащил за угол.

В темном проеме появилась голова. Мужская. Блестящую лысину обрамляли короткие седые волосы. Косматые белые брови хмурились. Глаза прятались за толстенными линзами монументальных очков в роговой оправе. Роскошным усам незнакомца мог позавидовать даже Чапаев. На этом сходство с человеком заканчивалось — вслед за головой появилось тело... Шесть длиннющих рук (не лап, не шупалец, а именно рук) ловко перемещали старика по отвесной стене, нарушая законы гравитации, а вместо ног болталась пара втиснутых в подвязанные брючины обрубков. Монстр был в синей спецовке. На груди поблескивал пластиковый бейджик: «Лукич».

От страха у Миши закрутило в животе. Олеся дернулась в его руках, но не издала ни звука.

Старикан зыркнул в одну сторону и, ещё больше нахмутив седые брови, в другую. Как раз туда, где они с Лисой притаились.

Белов нервно сглотнул: пропали! Заметил!

Но Лукич не спешил бить тревогу. Он крикнул, неторопливо почесался, и одна из его многочисленных рук отправилась за пазуху...

Миша закусил губу. Сейчас... сейчас... Что там у этого паука? Бластер? Рация? Пэ эм в конце концов? Всё им конец! Белов обреченно зажмурился.

Чиркнула спичка, и вспышка заставила Мишу открыть глаза. Из внутреннего кармана Лукич извлек... пачку Беломорканала. Прикурил папироску. Смачно, аппетитно затянулся и пустил дым кольцами. Одно, второе, третье... Они уплывали вверх и растворялись в темноте.

Глава одиннадцатая. Чудесное спасение

Мишу оглушал стук собственного сердца. Еле слышное прерывистое дыхание Леськи казалось рокошущим грохотом водопада. Белов вжался в стену и неотрывно следил за шестируким инвалидом. Заметил? Нет. Не похоже...

Лукич в две глубокие затяжки разделался с папироской, тщательно, с каким-то маниакальным остервенением, забычковал окурок о серую стену и щелчком отправил в глубины коридора.

— Э-эх! — громко вздохнул человек-паук.

— Э-эх...э-эх...э-эх... — откликнулась серо-черная бездна над ним.

— А ты помни-и-ишь, как давно-о-о по весне-е-е, — затянул монстр приятным хрипловатым басом, — мы на чертовом крутились колесе-е-е-е. Колесе-е-е-е, колесе-е-е-е. А теперь оно во сне-е-е-е...

И, напевая бессмертный магомаевский шлягер, Лукич, проворно перебирая длинными тощими ручищами, пополз куда-то наверх. Что-то заскрежетало, щелкнуло, и тишину разорвал пронзительный звук сигнала.

Миша и Олеся переглянулись.

— Что здесь происходит? — беззвучно, одними губами спросила Сазонова.

Белов красноречиво пожал плечами и помотал головой.

Монстр тем временем вернулся к двери на стене, и снова запустил руку за пазуху. На этот раз из-под синей спецовки показалась-таки рация...

— Валюша! — пробасил Лукич. — Портал к перемещению готов. Пост сдал.

С этими словами усач нырнул в дверь. Миша и Лесья услышали, как ключ повернулся в замке.

Но не успели они покинуть своего укрытия, как навязчивый сигнал перерос в протяжный вой сирены, а

чернота наверху окрасилась ядовито-красными сполохами. Звук и свет пульсировали в унисон. Олеся схватила Мишу за рукав и что-то прокричала, но ее голос утонул в мигающем алом шуме. Зато раздался другой, уже знакомый по КПП, голос диспетчера:

— Внимание! Внимание! Перемещение через две минуты пятьдесят девять секунд. Просьба сотрудникам покинуть коридор портала. Внимание! Внимание! Перемещение через две минуты пятьдесят семь секунд... Внимание! Внимание!

По серым стенам и бетонному полу зазмеились голубоватые молнии. Мрак взорвался калейдоскопом огней.

— Перемещение через одну минуту пятьдесят девять секунд...

— Надо уходить! — рыкнул Миша, схватил Олеся и ринулся вперед.

Что это? Интуиция? Инстинкт самосохранения? Удача? Телепатия? Неизвестно. Да и задумываться над этим у Миши не было ни сил, ни желания, ни времени. Он рванулся, увлекая за собой Сазонову, прямо сквозь шальную пляску сполохов и за очередным поворотом увидел его. И этого было достаточно... Только бы успеть!

— Тридцать секунд до перемещения... — гремел гнусавый голос. — Обратный отсчет.

— Быстрее! — подгонял Миша Олеся. — Быстрее, Сазоныш, давай же! Бежим!

— Девятнадцать...восемнадцать...семнадцать...

Они летели к спасению, и у Миши даже мысли не возникло, что его безумный расчет может не оправдаться.

— Одиннадцать...десять...девять...

Опережая время, Белов бросился к своему единственному шансу. И вот он — перед ними...

— Лифт! — взвизгнула Сазонова. — Но откуда ты...

— Семь...шесть...пять...

— Понятия не имею! — честно признался Миша и нажал кнопку вызова.

Створки тут же разъехались в стороны.

— Четыре...три...

Лиса проворно юркнула внутрь. Миша ввалился следом. Прежде, чем он успел что-то сказать, Олеся переключила какой-то рычаг, лифт дернулся и послушно поехал вверх.

Спустя секунду кабину тряхнуло так, будто совсем рядом разорвалась бомба...

Глава двенадцатая. Загадочная

С тихим урчанием лифт поднимался всё выше, выше и выше. Миша сидел в углу, обхватив голову руками. Леська съежилась у противоположной стены. В лице ни кровинки, но глаза — сухие. «Интересно, почему она не плачет? Не кричит, не бьется в истерике?», — подумал Миша. Ему вот очень хотелось забиться в истерике...

— Лесь...

— Мм? — Сазонова подняла голову, и устало взглянула на него.

— Где мы, Лесь?

Уголок Леськиных губ чуть дрогнул, но улыбки так и не сложилось. Миша приготовился, что Сазонова пошлет его куда подальше, вместе с глупыми вопросами. Пошлет конкретно и прямолинейно, и будет права, но этого не произошло.

— Мы на ВСМ...что-то там ещё... «Красный броневик», Миш. Это же очевидно, — тихо ответила она и зевнула.

— Всё шутки шутишь?

— Даже не думаю. Откуда ты узнал про лифт?

— Не знаю, — Миша привычным движением взъерошил волосы на затылке и тяжело вздохнул. — Точнее знаю. Боюсь, ты не поверишь... Мне словно кто-то показал...

— Показал? Кто показал? Как?

Белов пожал плечами.

— Хех, прямо «Битва экстрасенсов» какая-то, — усмехнулась Сазонова.

— Ну вот, говорил же — не поверишь... Лесь?

— Мм?

— Тебе страшно?

Сазонова как-то странно посмотрела на него.

— Я... — начала было она, но лифт резко дернулся и остановился. Створки, заскрежетав, разъехались в стороны.

Покидать мнимую безопасность душного лифта не хотелось. Не было сил бродить по коридорам, пугаясь каждого шороха. Но другого выхода Миша не видел. К тому же этаж казался вполне себе безобидным, особенно в сравнении с мрачным лабиринтом шестирукого «минотавра» Лукича. Ничего необычного: светло-голубые стены, закованный в серую плитку пол, неизбежные кадки с фикусами и, конечно же, двери...

Белов продвигался вперед как сомнамбула. Сомнамбула впавшая в ступор... Олеся метко называла такое его состояние: «Ударил пыльным мешком по голове». Так он себя и чувствовал. Миша с ужасом осознал, что предпочел бы ещё раз пробежаться по коридору портала, чем бродить вот так вот, как сейчас. Мысли путались, ноги дрожали, голова гудела, как с похмелья. Рассеянный взгляд зацепился за какое-то яркое пятно на безликой стене.

— «Доска почета», — прочел он вслух. — «Лучшие сотрудники ВСМПВНБ Красный броневик».

Миша хотел окликнуть Лису, но та безнадежно отстала — в который раз, с упорством маньяка, секретарша терзала мобильник в надежде поймать сеть. Белов вздохнул и принялся рассматривать фотографии на стенде.

С портретов на него смотрели мужчины и женщины. Кто-то серьёзно, кто-то с улыбкой. Вот седой очкарик, пятый в четвертом ряду, хмурит кустистую бровь. Слева от него — пухлощекая светловолосая красотка. Чуть ниже — осунувшийся хмырь с геммороидальным цветом лица... Ничего интересного. Миша собрался уходить, но вдруг... Стоп! В бесконечной череде чужаков мелькнули знакомые черты. Показалось? Белов прищурился, привстал на цыпочки..., и тут Леся резко дернула его за рукав.

— Смотри! — пискнула она и вцепилась в Мишин локоть мертвой хваткой. Белов проследил за ее взглядом и замер: дверь, ручку которой они отчаянно дергали всего пять минут назад, распахнулась... и оттуда вышли... шаги.

— Топ-топ-топ-топ, — просто звук. Звук шагов без тела.

Миша и Олеся разом охнули и замерли с открытыми ртами. Шаги размеренно протопали мимо, и скрылись за поворотом коридора.

— О, Господи! — громко выдохнула Лиса, прижав ладонь к груди.

— Разъети ж твою телегу! — рыкнул Миша и, растеряв все страхи, рванулся вслед за невидимкой. — Больше ты от меня не уйдешь, гад!

— Белов, стой! — Леська бросилась вдогонку.

Глава тринадцатая. Таинственное послание Ихтиандра

Погоня кончилась так же стремительно, как и началась. Свернув за угол, местное привидение скрылось в одном из кабинетов, громко хлопнув дверью прямо перед Мишиным носом.

— Вот гад! — Миша сплюнул на пол и, замаявшись на мгновение, схватился за ручку двери.

— Белов, ты очумел? — Сазонова снова повисла у него на локте. — Что тебе с него? Это же — п-призрак!

— Призрак, говоришь? — зло усмехнулся Миша и так глянул на подругу, что та отстранилась. — Приведений не бывает, Сазонова! Не бы-ва-ет! А мне нужны ответы.

С этими словами Белов ворвался в кабинет. Лесе ничего не оставалось, как последовать за ним.

Внутри было темно, как в могиле, и тихо, как на кладбище. И никаких тебе привидений — шаги, увы, бесследно исчезли, сколько не напрягай слух. Миша выругался. Тут же захотелось назад, в коридор, туда, где светло и спокойно. Но, к бескрайнему Мишиному ужасу, дверь захлопнулась и не желала открываться. Белов почем зря терзал несчастный пластиковый рычаг и отчаянно матерился.

— Ну-у... ты своего добился, молодец, поздравляю! — сарказма в Леськином голосе было больше, чем самого голоса.

— Ты бы лучше помогла, чем язвить!

— Фр-р-р-р, — ответила Сазонова. Миша услышал, как она копошится. Щелкнула, высекая искру, зажигалка. В кромешной мгле затанцевал крошечный дрожащий огонёк. — Ох, и как ты без меня вообще жил, Белов? — ехидно поинтересовалась Лиса, и секунду спустя кабинет озарился холодным светом энергосберегающих лампочек.

Миша удивленно уставился на Олесю. Сазонова молча указала на клавишу включателя рядом с дверью и вернула зажигалку в карман китайского пуховичка.

Белов обругал себя за тупоумие, огляделся и нервно сглотнул. Кабинет впечатлял габаритами. Потолки здесь были высоченные — никак не ниже четырех метров, но вовсе не это заставило Мишку и Олеся на мгновение оцепенеть. Одна стена в кабинете оказалась стеклянной. А за стеклом...

— Это что, аквариум? — Миша задумчиво почесал затылок, всматриваясь в мутную воду. — Такой огромный. Да с подсветкой. Ты глянь, Сазонова, — Он легонько постучал пальцами по стеклу.

— Скорее океанариум, судя по габаритам. И не стучи.

Миша снова вопросительно глянул на Сазонову. И она также молча указала ему на табличку: «Стекло руками не трогать!».

— Да ладно тебе, что ему делается? — хмыкнул Миша и забарабанил костяшками пальцев по гигантскому аквариуму...

— Туд-дум! — мощный удар заставил стекло вибрировать. Белов, вскрикнув, отскочил в сторону. Он сбил Сазонову с ног и повалился на пол сам.

— Туд-дум! Туд-дум! — глухие удары повторялись снова и снова. Миша силой заставил себя поднять глаза и физически ощутил, как седеет...

О стекло, с диким отчаянным остервенением, билось нечто, отдаленно напоминающее человека. Но только отдаленно... Серая кожа была вовсе не кожей, а чешуей. В районе рёбер размеренно вздымались и опадали жабры. Длинные стопы походили на ласты. На блестящем лысом черепе, словно плюмаж на рыцарском шлеме, колыхался высокий колючий плавник.

Человек-амфибия с настойчивостью терминатора снова и снова атаковал стекло. Давил на него ладонями, демонстрируя перепонки между сросшимися пальцами. То и дело открывал рот, обнажая острые, как иглы зубы и...будто бы что-то кричал. Но, естественно, вместо звука из пасти Ихтиандра вырывались лишь стайки пузырьков...

Олеся взвизгнула, зажала рот рукой и уткнулась носом в Мишкино плечо. Её трясло. Сам Белов одеревенел, загипнотизированный кошмарным зрелищем. «Он нам ничего не сделает!», — твердил себе Миша. — «Ничего не сделает! Не достанет! Он там, а мы — тут».

Внезапно монстр, словно осознав тщетность своих попыток, замер. Немигающий взгляд черных, без белков, глаз вперился в Мишу. Острозубый рот приоткрылся.

— Чего он хочет? — спросил Миша скорее сам себя, нежели Леську. Да она и не ответила.

А чудовищное водоплавающее тем временем опустилась вниз, к самому дну, туда, где аквариум покрывал тонкий слой какой-то зеленоватой мути. Белов со всевозрастающим ужасом понял, что Ихтиандр что-то...пишет на стекле.

Бешеным усилием воли Миша высвободился из пут страха и цепких Олеськиных рук, встал и подошел ближе. Сел на корточки. Лицо оказалось на одном уровне с мордой человекорыбы. И тут... амфибия выгнулась дугой и конвульсивно задергалась. Когда судорога развернула Ихтиандра полубоком к Мише, Белов заметил, что из плеча монстра торчит гарпун. Миша ничего не успел сообразить, как из синих глубин океанариума возникли две фигуры в полном водолазном облачении. Один из водолазов вцепился в Ихтиандра и поволок куда-то в голубую даль. Второй, как раз вооруженный непонятным гарпунометателем, подплыл вплотную к стеклу. Он «завис» напротив перепуганного насмерть Миши и погрозил пальцем, указывая на замеченную Леськой табличку. Белов, с трудом соображая, кивнул. Тогда водолаз, взметнув вихрь пузырьков, махнул рукой куда-то в сторону. Миша повернулся и обнаружил, что в кабинете есть ещё одна дверь. Они с Лисой попросту не заметили ее — не до этого было. Белов снова кивнул. Водолаз отсалютовал ему и не спеша последовал за товарищем.

Миша так и остался стоять столбом. Из ступора его вырвал Леськин голос:

— Ми-иш, ты жив?

— Нет, — коротко ответил он и наклонился, всматриваясь в корявые кособокие буквы, оставленные Ихтиандром на стекле.

— Что там? — прошептала Сазонова.

— Букочки...

Олеся наклонилась ниже, и стукнулась лбом о стекло.

— Ай, мля! NEFLEN... — сказала она, потирая место ушиба. — Там написано NEFLEN и что-то ещё. Только буквы кривые и сикось-накось. Непонятно...

— Как раз всё понятно, — угрюмо отозвался Миша. — Только буквы не «сикось-накось», а задом

наперёд. В зеркальном отражении. И написано не NEFLEH, а HELFEN...

— Это на каком же языке?

— На немецком.

— И что это значит?

— Помогите...

Глава четырнадцатая. Шерлок Анатоьевич Холмс

— Миш? А Миш? Ты чего? С тобой всё в порядке? — осипший Леськин голос выдернул Белова из глубокой задумчивости. — Нашел время впасть в ступор! Пойдем уже! Чего завис? Дверь... Вот же она!

— Нет, — глухо отозвался Миша, опустился на пол и привалился спиной к стене. — Не пойдем.

— То есть как — «не пойдем»? Почему не пойдем? Что с тобой? Тебе плохо?

— А тебе? Тебе хорошо?

Лиса осеклась и перестала его тормошить.

— Знаешь что, Сазонова? — Миша смерил взглядом подругу. — Это не компьютерная игра, а мы не персонажи на мониторе, чтобы скакать с уровня на уровень.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что мы не дали себе времени подумать над тем, что здесь происходит. Бегаем тут, как лабораторные крысы в стеклянном лабиринте!

— А у нас было оно? Это время? Да и сейчас — разве есть? — Олеся красноречиво глянула на опустевший «аквариум» в противоположном конце кабинета и сложила руки на груди.

— Есть.

— Ты сдурел? — спокойно и серьёзно поинтересовалась Сазонова.

— Отнюдь, — Миша выдавил из себя улыбку. Кривую и фальшивую. — А кого ты боишься, Сазонова? Амфибию? Паука? Невидимку с водолазами? Не ссы, мать. Они нас не тронут.

— С чего бы?

— А с того! Хотели бы — давно тронули, — Миша почесался. — Да за нами следят с самого начала, Лесь! Идиотом надо быть, чтоб не догадаться. Следят, но не трогают. Им что-то нужно от нас. Только вот — что? Знать бы... Падай! В ногах правды нет, — Белов гостеприимно подвинулся и похлопал ладонью пол.

Леся послушно опустилась рядом. Обхватила колени руками и уставилась немигающим взглядом на мутную воду в аквариуме. Секундное молчание казалось часом тишины.

— И что ты, Белов, предлагаешь? — голос Лисы звучал устало и глухо.

— Пораскинуть мозгами.

— Ну и как? Получается?

— Сколько ты бензина залила перед отъездом? — ответил Миша вопросом на вопрос.

— Чего? Бензина? — Сазонова мотнула головой, явно не понимая, к чему он ведёт. — Да вроде полный бак, а что?

— До Берендея от тебя километров пятьдесят, не меньше... — Миша задумчиво помычал. — А расход какой?

— Какой расход?

— Расход топлива, Лесь.

— А-а-а... Семь на сто... — Олеся приложила холодную ладонь к Мишиному лбу. — Белов, ты меня пугаешь сейчас не меньше водолаза с невидимками. Какой бензин? Какой расход? Ты бредишь, что ли?

— Да нет, надеюсь, что нет, — Миша перехватил ее руку и легонько сжал. — Уехать к черту на рога мы не могли — бензина потратили мало совсем. А перед отъездом я дорогу на яндекс карте смотрел...

— И что?

— И то! Мы по этому зданию всю ночь бродим: ни конца, ни края. Оно гигантское должно быть. Да оно такое и есть. Только вот...

— Что?

— На карте не было ничего похожего. Вообще. Даже близко... И все эти пауки... невидимки... флаги...

Олеся вдруг повернулась к нему. Посмотрела в глаза так, что взглядом задела душу.

— Скажи это! — приказала она, да так резко, что Миша вздрогнул. Именно приказала, а не попросила.

— Ч-что?

— То, что пришло тебе в голову. Скажи это! Произнеси вслух!

Миша на мгновение закрыл глаза. Вдохнул. Облизал потрескавшиеся пересохшие губы и ответил:

— Мне кажется, мы попали в другую реальность, Лесь.

Глава пятнадцатая. Доктор Франкенштейн и его чудовище

Миша прекрасно знал, что у Олеси Сазоновой, так же, как и у остальных представительниц слабого пола, есть коллекция особых невербальных способов дать человеку понять, что он — идиот. Презрительное фырканье, закатывание глаз и (или) саркастически изогнутая бровь — вот основные Леськины ужимки. Их-то Миша и настроился лицезреть. Но прошла минута, другая, а взгляд рыжей секретарши по-прежнему оставался серьезным и сосредоточенным. Белов тревожно заерзал. Почему она так странно себя ведёт? В его представлениях, сформированных в основном посредством голливудских блокбастеров, очаровательные барышни, услышав нечто подобное, должны как минимум запаниковать и как максимум — лишиться чувств. А она смотрит. Не мигая. Прямо как змея... Либо Леся Сазонова сделана из более прочного материала, чем героини боевиков, либо...

— Так ты догадалась... — прохрипел Миша и это был не вопрос.

Вот теперь Леся фыркнула и закатила глаза:

— Пф-ф-ф-ф! Ты в самом деле считаешь меня дурой, Белов? Просто хотела услышать это от тебя. Ты же у нас — будущее светило отечественной науки, гениальный физик-ядерщик!

— Я не ядерщик... — удрученно поправил Миша.

— Это не меняет дела. Скажи лучше, каков наш план.

— Такой же, как и раньше — найти выход. Но сначала — отдохнуть. Уже пять утра, Лесь. Не знаю, как ты, но я вымотался напрочь, — Миша зевнул от всей души. Громко и заразительно. — Что скажешь?

— Ну-у-у, — отозвалась Олеся с некоторой долей скепсиса, — если ты считаешь, что это безопасно...

— Не бойся, Лисёныш, — Белов притянул подругу к себе, и она уютно устроила рыжую головку на его плече. — Завтра мы найдем выход. Обязательно найдем. А теперь спи и ничего не бойся. Больше никаких ужасов. Никаких страхов. Обещаю.

Миша чмокнул Сазонову в макушку. Перед тем, как уснуть, он попытался поймать за хвост ускользающую мысль, которая не давала ему покоя. Каверзная нестыковка, едва различимая нелогичность... Но сил думать не было и то, что минуту назад казалось таким очевидным вновь покрылось мраком тайны. Веки отяжелели, и Миша провалился в сон.

Ему снилась дорога. Скользящая. Опасная. Наледь хрустела под колесами. Хлопья снега врывались в открытые окна «Матизки» и падали на лицо. Таяли. Стекали по лбу и щекам тяжелыми каплями. Кап-кап-кап-кап... Мокро. Противно... Слишком противно, чтобы быть сном...

Миша поморщился, когда очередная «капля» угодила на нос, открыл глаза и...

Увидел склоненное к себе лицо. Самое уродливое лицо, какое только можно себе представить. Казалось, будто лоскутами кожи обтянули череп питекантропа. Низкий лоб сплошь покрытый шрамами и швами, бороздили глубокие морщины. Широкие ноздри жадно втягивали воздух и трепетали. Скошенный подбородок дрожал, а из приоткрытого рта слюна стекала... прямо на него, на Мишу!

— А-а-а-а-а! — заорал Белов. Его вопль тут же утонул в пронзительном Леськином визге, а чудовище шарахнулось в сторону, откинуло голову назад и... взвыло:

— Ао-о-о-о-о-о!

Миша попытался отползти, но почувствовал на своем плече чью-то (совсем не Леськину) руку и приготовился умереть от инфаркта...

— Тихо! Тихо! — разорвал какофонию звуков вполне себе человеческий голос. — Ради всего святого, умоляю Вас, не пугайте ее!

Миша подавился собственным криком, а к чудовищу кинулся обладатель приятного баритона: мужчина лет тридцати пяти. На вид — типичный «ботан», «вечный девственник».

Этот лысеющий умник, облаченный в жилетку, полосатую рубашку и скрупулезно отглаженные брюки с идеальными стрелками, бесстрашно повис на лапе двухметрового страшилища и заворковал, что тебе голубок:

— Полечка! Ласточка моя! Всё хорошо! Успокойся, девочка! Я здесь, я рядом...

Глава шестнадцатая. А. Я. Брюкослапц

«Я брежу! Я сошел с ума и у меня бред! Галлюцинации!», — решил Миша. Он затряс головой, пытаясь

прогнать наваждение, но, увы, всё осталось на своих местах...

Черепки здравых рассуждений, предположений и доводов разбились вдребезги, когда хилый очкарик извлек из кармана жилетки плитку шоколада «Аленка» и протянул чудовищу. «Питекантроп» тут же прекратил выть, схватил угощение и забился в угол. Ботаник же развернулся на каблуках, и, сияя улыбкой, обратился к Мише с Олесей:

— Здравствуйте!

— З-здращьте... — заикаясь, отозвался Миша, нашел ледяную ладошку Сазоновой и тихонько сжал.

— Д-добрый... утр... — пролепетала Лиса, с опаской поглядывая на монстра.

— О, не беспокойтесь! Теперь Поля занята надолго — там ведь ещё фольгу снять надо...

— Поля? — переспросил Миша.

— Ну... строго говоря эксперимент номер сто двадцать четыре. Хомо-артификатус или человек искусственный! — торжественно возвестил очкарик. — Я ее Полиной назвал. Всегда любил это имя. Была у нас в школе одна Поля... Красивая, до ужаса! А вот у моей Поли нет гендерных признаков как таковых: ни тебе первичных, ни вторичных... — ученый сокрушенно вздохнул, восторженно и затараторил снова:

— Ох, да что это я! Знакомство-то не с той стороны начинается! Я — Брюкослапц. Александр Яковлевич Брюкослапц. Это очень редкая фамилия. Единственная в своем роде, знаете ли, — очкарик протянул руку и Миша пожал ее. — А ещё с инициалами так смешно вышло! А Полиночку вы простите. Она не со зла. Это ее Павел сюда загнал...

— П-павел?

— Ну да! Учужал искусственную плоть, и давай Полечку по всему этажу гонять. Безобразие! И куда только начальство смотрит? По всему этажу, представляете?

— С-с тр-р-рудом...

— А вы тоже на конференцию?

Миша заморгал:

— На конференцию? На какую конф... Ай! — Леська ткнула его в бок локтем.

— Да, да. Мы на конференцию, уважаемый Александр Яковлевич, — промурлыкала Сазонова.

— О! — Брюкослапц схватил ее ладонь и припал губами. — С ума сойти! Это у Вас живая женщина или киборг?

— Киборг конечно, — буркнул Миша, за что тут же получил ещё один тычок.

— Ах-ха-ах-ахах, — Олеся рассмеялась элегантно фальшивым смехом рублевской жены, — что вы, что вы! Мой коллега шутит! Мы тоже на конференцию и тоже, увы, заблудились.

— Заблудились? Вы что, тоже прячетесь тут от Павла?

— Ага, — подтвердил Миша, — именно от него и прячемся.

— Так он же... Неужели? О, что за беспредел! Куда смотрит начальство! — Брюкослапц прижал руки к груди, выказывая наивысшую степень возмущения. — Давайте! Давайте же скорее свой пространственный модулятор! Я настрою вам нужную точку!

Миша глянул на Олесю. Та пожала плечами.

— Мы не можем... — неуверенно соврал Миша. — Сломался у нас модулятор... наверное...

— Сломался? Да ну что вы! Наверное, просто помехи. Давайте, давайте!

— Ох, Александр Яковлевич... — Лесья томно взмахнула рыжеватыми ресницами.

— Для Вас — просто Шура, моя дорогая! — Брюкослапц снова схватил ее ладонь.

— Д-да, конечно... Шура... Наш модулятор, увы, остался... остался...

— У экскурсовода! — Миша подмигнул подруге (наконец-то привычка цитировать советские фильмы пригодилась!).

— У экскурсовода? — очкарик удивленно уставился на Белова.

— Н-ну, что-то типа того... — запинаясь, подтвердила Сазонова.

— О! Какая трагедия! Мой модулятор рассчитан, увы, лишь на двоих! Но как только мы переместимся, я тут же пришлю к вам...

— Павла? — испуганно предположил Миша.

— Нет, ну что вы. Зачем сразу Павла? Я пришлю к вам дежурных. Представляю, каково вам тут совсем одним и без модулятора...

Брюкослапц схватил Мишину руку и принялся усердно трясти:

— Я пришлю. Вы не беспокойтесь.

Затем настала Леськина очередь получить порцию любезностей. Брюкослапц неуклюже обнял ее и наградил дюжиной комплиментов.

— Вы прекрасны! Прекрасны! Венец творения! До встречи *ma belle mademoiselle*! Встретимся на конференции! Поля!

Хомо-артификатус тем временем прикончила шоколадку и глядела на хозяина преданным взглядом собаки. Брюкослапц заковылял к ней, достал из кармана брюк нечто, размером с брелок, нажал на кнопку... и исчез вместе со своим питекантропом.

В кабинете снова стало тихо и пусто...

Глава семнадцатая. О пользе звукоизоляции

Кабинет опустел и наполнился давящей, тревожной тишиной. Мишу трясло, как от озноба. «Павел... Дежурные... Конференция... Да что тут, разъезди твою телегу, происходит?». Белов сжимал и разжимал кулаки, пыхтел, проворачивая в уставшем мозгу неподъемно тяжелые мысли. Легкое прикосновение вернуло его в реальность, жаль только не в ту, в которую ему так отчаянно хотелось попасть!

— Мы должны как-то это обсудить? — осторожно поинтересовалась Олеся.

— Ты о чем? — Миша удивился собственному голосу — охрипшему и глухому, как во время сильной простуды. — Пошли отсюда...

— То есть как, пошли? То «пошли» — то «не пошли»! Ты это, определись уже, Белов... Эй!

Миша грубо схватил Сазонову за локоть и потащил к двери.

— Эй, ты что, сбрендил совсем? — Леся вырвалась и набычилась. — То, что мы попали в другое измерение, ещё не повод выкручивать мне руки!

— Пошли, говорю, пока по милости этого Франкенштейна сюда не нагрянул отряд каких-нибудь лунатиков!

— А как же... Павел?

Белов не нашелся, что ответить. Павел... Он совсем забыл про Павла! Да и что это за Павел такой? Что это вообще за место? Зачем он здесь? Что им от него нужно? Миша закусил губу. Ему хотелось взвыть от отчаяния и усталости. Он размахнулся и врезал по стене кулаком. Глупая мальчишеская выходка...

— Миш... — Сазонова тихонько коснулась его плеча. — Миш, ты это... Ты...

— А вдруг это вовсе не другая реальность, а? — Белов зыркнул на Лису так, что у нее отпало всякое желание его успокаивать.

— Ч-что?

— Ты меня слышала. Это вовсе не параллельный мир!

— А что же это тогда? — терпеливо поинтересовалась Олеся, пропустив грубый тон мимо ушей.

— Это бред... Бредовый сон. Я сплю, и мне просто снится сон, вот и всё! И нет никакого Павла! И нет невидимок! И тебя тоже нет — ты мне просто снишься!

Сазонова сверкнула глазами, лукаво изогнула бровь и шагнула вплотную к Мише...

— Ай-й-й! Черт! — взвизгнул он. — Ты ущипнула меня!

— Скажи спасибо, что по щам не съездила! — в Леськином голосе зазвучали металлические нотки. — А ну-ка, соберись, конструктор «Лего»! Нечего сопли по стенам размазывать! Ты мужчина, или где? Взгляни фактам в лицо и сделай выбор. Либо сидим тут и ждем дежурных, либо идём в коридор на свидание с очаровашкой Павлом. Выбирай!

— Нет там никакого Павла, — Миша обреченно взялся за ручку двери. — Там вообще никого нет. — Он рванул дверь на себя и...

— Трам та-ра-рам! Трам та-ра-рам! Трам-та-ра-рам-там-там-там-там! — друзей оглушила пронзительная барабанная дробь. — Трам та-ра-рам! Трам та-ра-рам! Трам-та-ра-рам-там-там-там-там!

По «пустому» коридору шел, чеканя шаг, бесконечно длинный отряд...пионеров. Ребята, лет тринадцати от роду, самозабвенно маршировали. Вереницу возглавляла девушка постарше. Она несла алое знамя. Шелк украшали серп, молот и звезда. Золотые на красном.

— Песню запе-вай! — скомандовала «вожатая» неожиданно низким прокуренным голосом, и ребяташки тут же затянули:

— У солдата выходной — пуговицы в ряд,

Ярче солнечного дня золотом горят.
Часовые на посту в городе весна-а-а!
Проводи нас до ворот,
Товарищ старшина-а-а, товарищ старшина-а-а-а!

Белов так и замер с открытым ртом. Что за наваждение! Он заморгал изо всех сил, но, увы, — пионеры были так же реальны, как Ихтиандр, Лукич, Брюкослапц и прочие обитатели Красного броневика.

— Как-то всё это... странно... — пробурчал, наконец, Миша.

— Действительно, странно, — Лиса нахмурила четко очерченные брови, — это же совсем не пионерская песня!

— Да я не об этом... — Миша провожал пионерские шеренги взглядом стрелочника, считающего вагоны товарного поезда. — Сколько от них шуму-то! А мы и не слышали...

— Видимо здесь хорошая звукоизоляция, — констатировала Сазонова. — Эй, ты куда?

— Хочу спросить, где здесь выход! — крикнул Миша, бесцеремонно вклиниваясь в идеально ровный строй.

Глава восемнадцатая. Выхода нет

— Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой... — бойко маршировали пионеры. Коридор звенел от ребячьих голосов и трещал от барабанной дроби. Миша втиснулся бочком в шеренгу, и строй сразу нарушился: мальчишки и девчонки посбивались с ритма.

— Эй, гражданин, Вы мешаете! — прогремел голос вожатой. — Всем держать строй! Держать строй! И-и-и р-р-раз-два-а-а, р-р-раз-два-а-а...

— И-извините! — Крикнул Миша, и голос его предательски сорвался на фальцет. — Извините, я только спросить!

— Не время спрашивать! Р-р-раз-два-а-а, р-р-раз-два-а-а...

Миша выругался сквозь зубы и, скрепя сердце, растолкал впереди идущих ребятишек, в надежде поспеть за непреклонной вожатой.

— Ради Бога, девушка! Я же только спросить, где выход!

— Бога нет! — отрезала пионерка, не удостоив Белова даже взглядом. — И р-р-раз-два-а-а...

— А выход есть? — Миша схватил было вредину за локоть, но та резко отдернула руку и сверкнула голубыми глазищами:

— Выхода — тоже. Не мешайте, товарищ! Р-р-раз-два-а-а, р-р-раз-два-а-а, левой, левой!

Обескураженный, Белов остановился и понурил голову. Рука привычно потянулась к затылку...

— А Вам куда выход? — раздался снизу звонкий голосок. Мальчонка, до нелепости рыжий и конопатый — ни дать ни взять герой песенки про Антошку и картошку, с любопытством рассматривал Мишу.

— Мне...э-э-э... — вопрос пионера поставил Белова в тупик. Действительно, куда?

Пока Миша соображал, парнишку окликнула грозная вожатая:

— Пяточкин! А ну быстро в строй! И р-р-раз-два-а-а...

Мальчуган поспешил занять свое место. Пионеры снова запели. На этот раз: «Взвейтесь кострами, синие ночи...». Миша отошел к стене, чтобы не мешать. Он решил вклиниться в «хвост» отряда — там-то эта идейная задавака его точно не достанет!

Шествие замыкала странная группа — совсем маленькие ребятишки, росточком метр с кепкой в прыжке, закованные в защитные костюмы ядовито-желтого цвета и противогазы: ни грамма плоти — сплошная резина...

Белов озадаченно уставился на них, а они на него. Окуляры противогазов поблескивали. За стеклами не было видно глаз...

Миша судорожно сглотнул и отступил.

«Голова» отряда скрылась за поворотом. Туда же направились и остальные пионеры. Как только последняя шеренга свернула за угол, полный решимости Миша устремился следом и... застыл...

Перед ним простирался мрачный пустой коридор...

Отряд исчез, словно его и не было вовсе...

Миша принялся тереть глаза и хлопать себя по щекам — ничего не помогало: коридор был по-прежнему мрачен и пуст. Белов сделал несколько неуверенных шагов и снова замер, вперившись взглядом в объявление на стене: «Туалет 30 м прямо и направо». Чуть поодаль маячила знакомая кадка с фикусом...